

# Л. К. ФЕДОРОВА. А. П. ЧЕХОВ

Публикация Н. А. Роскиной

Лидия Карловна Федорова — жена писателя А. М. Федорова. Как вспоминает вдова И. А. Бунина, это была женщина, «умевшая работать и держать дом» и помогавшая мужу в его литературной работе (В. Н. Муромцев в Бунина. Жизнь Бунина. 1870—1906. Париж, 1958, стр. 99). Воспоминания самого Федорова о Чехове напечатаны в сб. «Памяти Чехова», 1906 г.

В публикуемых ниже воспоминаниях Федорова упоминает о своем участии в революционном движении (отвозила нелегальную литературу в Ялту). Однако надо полагать, что это участие было случайным и эпизодическим.

Публикуемые воспоминания были написаны Л. К. Федоровой, жившей перед войной в Одессе, в 1936 г., по просьбе А. И. Роскина. Авторская машинопись была тогда же передана Роскину вместе с рядом других документов. Ныне эти материалы хранятся у Н. А. Роскиной.

«А. П. Чехов». Под таким заглавием я нашла листки среди бумаг А. М. Федорова. Очевидно, это начало неоконченной статьи об А. П. Чехове.

Под заголовком четыре строки из стихотворения Федорова «Памяти Чехова»:

Его я часто вспоминаю,  
Вот и сейчас передо мной  
Стоит он, точно, как живой,  
Таким, каким его я так люблю и знаю.

«Когда я его увидал в первый раз рядом с бывшим издателем „Журнала для всех“ В. С. Миролюбовым, которого прыткие репортеры одесские прозвали „Шлагбаум“ за длинную прямую фигуру, а главное, за то, что он ревниво оберегал от их назойливости больного писателя, Антон Павлович показался мне невысок ростом, на самом деле он был роста выше среднего. В движениях и манере говорить — сдержан и благородно прост. Мягкий и располагающий при первых звуках голос, иногда переходящий в басок, но глубокая октава Миролюбова, бывшего оперного певца, покрывает тихие, низкие ноты голоса Чехова, как густая бархатная волна».

На этом обрывается запись.

В 1900 году, весной А. П. Чехов и Миролюбов приехали из Ниццы в Одессу по пути в Крым. В ожидании парохода они остановились в Лондонской гостинице, и Миролюбов, по желанию А. П., пошел разыскивать Федорова, чтобы познакомить его с Чеховым<sup>1</sup>.

Я хорошо помню этот день, когда А. М. Федоров, возбужденный и взволнованный, вбежал в комнату, где я сидела с А. И. Куприным. Куприн говорил о той тревоге, которая не покидает его со дня выхода его первой книжки рассказов.

— Что такое критик? Это кровожадный тигр, любящий молодое мясо. Куприн тогда был молод, застенчив и не уверен в себе.

— Вы тут спокойно разговариваете и не подозреваете, кто в Одессе! В Одессе Чехов!

— Ла-а-дно, — недоверчиво протянул Куприн. — Чехов за границей.

— Был, а со вчерашнего дня он здесь. Миролюбов отыскал меня в редакции «Одесских новостей», чтобы пригласить меня к Чехову. Я у него был, мы вместе гуляли по бульвару, по улицам, заходили в магазины.

— Счастливец! — искренно позавидовал Куприн.

— Напрасно завидуешь. А. П. просил меня привести тебя к нему сегодня вечером.

— Ну-у!? Это невозможно!

— Почему? Ты разве не знаешь, как Чехов всегда приветлив к молодым писателям? А тут еще козырь: вышла твоя первая книжка.

Куприн вскочил и схватился за голову.

— Да понимаешь ли, что ты говоришь? А вдруг он ее читал!

Это так было неожиданно, смешно, что мы расхохотались.

— Да перестаньте! — закричал А. И.

Зная обидчивость Куприна, мы замолчали.

— Вы посмотрите на мои ботинки! Разве можно в таких ботинках идти к Чехову? Тебе хорошо — ты после «Бурелома» твоего стал богат, а я — нищий.

— Скоро будешь и богат и славен. А пока ты нищий, а я богат, как Крез, я могу купить тебе ботинки. Мы по дороге заедем в магазин обуви на Екатерининской к Безиковичу, там ты оставишь свои старые ботинки и наденешь новые, вот и все. Идет?

— Нет.

В одиннадцать часов вечера они вернулись от Чехова хорошо и весело настроенные и начали делиться со мной впечатлениями.

— Я ведь знал Чехова только по портретам, и он мне показался совсем не тем, каким я его представлял по фотографиям. Даже портрет Бראה не передает истинного образа Чехова.

— А ты заметил, что он, отхаркивая, плюет в бумажный фунтик и бросает его в печь?

— Можно ли сразу сказать, взглянув на Чехова, что это выдающийся человек? — спросила я.

И оба согласились в том, что при первом взгляде такого впечатления, может быть, и нет, но после даже самой краткой беседы с ним, даже о самых обыкновенных вещах — по тону его речи, по выражению его глаз, а особенно по этой печальной светлой улыбке — чувствовалось, что это человек необыкновенный.

Уходя, Куприн шутливо погрозил Федорову:

— Никогда тебе не прощу купленных мне ботинок.

Не могу не вспомнить сейчас моего разговора с Куприным — спустя много лет, когда уже и Чехова не было на свете. Как-то случилось, что я осталась вместе с Куприным после большого между ним и Федоровым спора и спросила его:

— Почему, Александр Иванович, и в спорах, и в мирных беседах у вас всегда чувствуется неприязнь к Федорову?

— Потому, что он мне купил ботинки, когда мы в первый раз ехали к Чехову.

На другой день после своего знакомства с Чеховым А. М., взяв с собой меня и сына, отправился на пароход, на котором А. П. ехал в Ялту.

— Ну, вот, смотри, — сказал А. М., когда мы подъезжали на извозчике к пароходу. — Вот стоит Чехов. В пенсне, в пальто с бархатным воротником, рядом с высоким, в шубе.

Я помню, что я очень волновалась.

Взяв за руку своего трехлетнего сына Витю, я поспешно поднималась по трапу за А. М. на палубу.

Нас познакомили.

Чехов подал холодную худую руку. Приветливо взглянул через пенсне и тотчас перевел глаза на Витю. Опустил ласково руку на его плечо и, добро покачивая головой из стороны в сторону, сказал:

— Хорош сын! Вы А. М. не обманули. — Потом склонился к самому лицу мальчика. — Ну и повезло же тебе, братик. Ты видишь вон стоят большие бочки?

— Вижу.

Я не знаю, видел ли Витя бочки: он не спускал глаз с Чехова.

— А за бочками видишь большие железные клетки?

— Вижу.

— Вот в этих клетках сидят всякие звери. Идем, посмотрим.

Он взял ручку Вити, который совершенно спокойно доверился ему и побежал рядом с А. П. вниз к клеткам.

С палубы парохода я все время следила, как А. П. переходил от клетки к клетке, что-то, склоняясь к Вите, объяснял ему, чему-то смеялся и, заботливо держа за плечо его рукой, охранял от слишком большой близости к клеткам.

Когда А. П. шел обратно, держа за руку Витю, я поспешила навстречу, видя, что и самому А. П. нелегко подниматься.

— Ну, рассказывай маме, с какими зверьями ты познакомился.

— С обезьянкой... с волком...

— Волк произвел на него большое впечатление. Видите, у него до сих пор расширены зрачки.

— Я волка не боюсь. Я лева тоже не боюсь.

— Вот как! Какой ты храбрый! Где же ты видел «лева»?

— Во сне, — пояснила я.

— Я пришел в ванну, а в ванне сидит лев.

А. П. расхохотался. Схватил Витю под локотки и поднял вверх, глядя на него лучистыми нежными глазами, и стал приближать его к себе, как будто желая поцеловать, но вдруг отстранил и поставил бережно на пол.

Мы ходили взад и вперед по палубе. А. П. спросил меня:

— Вы ведь, кажется, раньше были актрисой? Почему вы оставили сцену?

Я коротко рассказала, что заставило меня отойти от театра.

А. П. знал от мужа, что мы собираемся за границу, и спросил, куда именно едем.

— Меня с юных лет тянет в Рим... Египет...

— Ну, еще бы! Пирамиды... сфинксы... А в Риме: Колизей. Термы Каракаллы...

Мне показалась едва уловимая насмешка в этих словах. Лицо мое залилось краской.

— Вот извольте видеть, — заговорил муж. — Мне хочется на Восток, а ей подавай Рим. И ничего не поделаешь: приходится уступать.

— Не надо было, батенька, жениться на актрисе. Это такой народ...

А. П. оборвал, коротко рассмеялся, и мы тоже улыбнулись этой безобидной шутке.

Впоследствии было получено письмо от А. П., которое начиналось так:

«Дорогой Александр Митрофанович.

Представьте, я женюсь и представьте — на актрисе»<sup>2</sup>.

А. П. искоса взглянул на меня и совсем просто, по-дружески сказал:

— Езжайте во Флоренцию. Вот город!<sup>3</sup>

— Из того, что вы видели, Антон Павлович, какие города вам больше всего нравятся?— спросил А. М.

— Трудно, батенька, сказать так сразу. Ну, первое могу сказать, что больше всего мне нравятся Москва.

— Москва!— вырвалось у меня изумленно.

— Да-с, сударыня, Москва. Другого такого города вам не найти на земном шаре. Ну, хорош Париж. Значит, собственно, три: Москва, Флоренция, Париж.

Было досадно, что сын то и дело бежал к борту и я должна была следовать за ним. Он был заинтересован чайками, которые носились в сыром туманном воздухе и выхватывали всякие отбросы, плавающие на поверхности моря.

Один раз, побежав за мальчиком, я услышала разговор двух дам, стоявших у борта спиной к морю. Они смотрели в сторону нашей группы.

— Вот это Чехов. Знаешь, тот, что сочинил «Три сестры».

— Который?

— Вот этот — в пальто и мягкой шляпе.

— Это-от! — протянулось пренебрежительное разочарование. — А я думала тот — в енотовой шубе.

Я поспешила к Чехову.

— Антон Павлович, вот эти дамы говорят о вас.

— Что же, я им нравлюсь?

— Нет. Кажется, наоборот.

— Как так?— с забавной серьезностью произнес А. П.

— Одна из них думает, что вы не вы, а вы — вон тот, — указала я глазами на Миролюбова, — в богатой енотовой шубе.

— Ну-у! Я сам бы хотел быть им!

Сын опять очутился у железных перил борта и уже начал просовывать голову в пролеты. Я бросилась к нему. А. П. поспешил за мной.

Витя спросил:

— Мама, это загорожено, чтобы люди не падали?

— Да, братик мой. Это сделано так, чтобы люди не падали, а мальчики падали. Ну, а если бы, — обратился А. П. ко мне, — сын ваш упал бы в воду, что бы вы сделали?

— Я бросилась бы за ним.

— А плавать умеете?

— Нет, — покраснев, созналась я.

— Я и то бросился бы, — тихим низким голосом проговорил А. П.

Я взглянула в глубину этих паразитических в своей доброте глаз и не усомнилась: несмотря на то, что А. П. болен, что он харкает кровью, что если бы он и не пошел ко дну, для него это было бы все равно смертельно. Сердце мое дрогнуло. Я всегда была полна любви к этому исключительно прекрасному, благородному, изысканному писателю, но тут я вдруг почувствовала особенную нежность к этому больному человеку.

С тех пор прошло 35 лет, но эта нежность не изжита мной.

А. П., как мне показалось, задержал на мне пытливый взгляд, помолчал, а потом, взяв Витю за руку, сказал:

— Ну, хорошо... Пойдемте пить чай. Там уже наверно все приготовили.

Когда мы вошли в кают-компанию, действительно, на конце большого стола был сервирован чай. За другим столом сидела пара и завтракала. Небольшого роста бритый мужчина в клетчатом пальто и такой же кепи, шея его была замотана белым фланелевым шарфом, и нарядная дама. Возле них на полу вертелась маленькая простая собачонка.

А. П. зашептал Вите:

— Смотри хорошенько, это папаша тех зверей.

Витя ничуть не удивился.

— И волка?

— Ну, конечно, и волка.

А. П. явно благоволил к нашему мальчику. Он посадил его рядом с собой, налил ему на блюдечко чай и протянул ему тарелку с пирожными. Мальчик тронул одно, другое.

— Витя! — укоризненно остановила я.



А. М. ФЕДОРОВ

Фотография, 1900-е гг.

«Сейчас смотрю я на его портрет, стоящий на моем письменном столе. Мелким, четким почерком чернеют сбоку портрета несколько строк, написанных рукою Чехова, и эта характерная линия его росчерка, идущая вниз. 1901 г., II, 49 — стоит дата на этом портрете». (Из воспоминаний А. М. Федорова о Чехове. — Нынешнее местонахождение упоминаемого Федоровым портрета Чехова неизвестно)

Собрание Н. А. Роскиной, Москва

— Выбирай сперва глазками, а потом уже бери ручкой, — шуточно и саркастично говорил А. П., — так всегда благовоспитанные мамы воспитывают детей.

Дуров, очевидно, знал А. П.<sup>4</sup>, и наверно умышленно слышно шепнул ему, что это — Чехов; следом послышалось: «Каштанка». Затем он высоким голосом начал приказывать своей известной Заплетайке делать разные штучки.

А. П. понимал, что представление для него, но Вите, посмеиваясь, говорил:

— Это, приятель мой, все для тебя.

Но спектакль скоро был прерван. Вбежал служащий Дурова и заявил, что верблюд ехать в Севастополь не хочет; что капитан сердится — это поддерживает пароход, что верблюд стоит у сходней, недвижим, как статуя.

Дуров тотчас же пошел вверх.

— Пойдемте и мы, — предложил А. П. — Это ведь очень забавно.

У мокрых скользких сходней стояла толпа, а впереди громадный рыжий верблюд. Его тянули на веревке спереди, замазывали сахаром, толкали сзади, а он, действительно, стоял, как «статуй».

Дуров метался у борта и надрывался, стараясь кричать сильным голосом, и извинялся в сторону Чехова:

— Я простужен. Верблюд не узнает моего голоса, — наконец, выйдя из терпения, неистово хрипло закричал: — На лебедку его!

И вот через несколько минут лебедка вздернула это чудовище наверх. А. П. поставил Витю впереди себя, указывал ему на все смешное и сам от души наслаждался этим зрелищем.

Когда верблюд с глазами, полными трагического ужаса, вздернутый на лебедке, мотал беспомощно своей кроткой мордой, а ноги, как четыре оглобли, торчали, как бы упираясь в воздух, во всех углах на палубе и на пристани переливался всеми тонами хохот.

А. П., обхватив себя обеими руками, закатился заразительным смехом. Перед ним звенел детский голосок Вити, а рядом гудел бас Миролюбова.

— Вот образина! Вот чудище! — повторял, смеясь до слез, Чехов. Когда же опустили на палубу совершенно обалдевшего, с жалким видом верблюда, у А. П. смех перешел в затяжной кашель.

Миролюбов тревожно следил за ним.

Я боялась взглянуть на него.

Кашель утих. А. П. вынул носовой платок из кармана и сплюнул в него. На платке заалело пятнышко.

Пароход вышел из рейда, стал почти незаметен в тумане, а перед моими глазами неотступно алело пятнышко на платке.

В воздухе же, едва доходя до сознания, звучали детские вопросы:

— А почему волк поехал на пароходе?

— А почему этот дядя «такой» поехал с волком?

— А чей сын верблюд?

На обратном пути я сказала мужу, что, действительно, с первых же слов беседы сразу чувствуется, что это за человек.

А. М. ответил:

— Да ведь и скрипка Страдивариуса узнается не по форме и не по окраске, а по нежности и ясности тона. Достаточно заставить хотя бы случайно прозвучать одну-две ее струны, и благородство драгоценного инструмента сейчас скажется.

Да, именно такое благородство тона было у А. П. Он сразу вызывал к себе доверие, хотя умышленно для этого ничего не делал и, может быть, именно потому, что нарочитого в нем ничего не было. И тут же как-то даже мне, мало видевшей и знавшей его, чувствовалось, что он все же не являлся перед вами с открытой душой.

Я вспоминаю, как много позже, когда отношения между А. П. и мужем более определились, он неоднократно мне рассказывал, что никто даже из близких ему людей не видел Чехова, так сказать, «при открытых дверях».

Никто, или, если хотите, все. Но это уже не при личных с ним встречах, а заочно, по его произведениям. Здесь душа Чехова являлась во всей своей глубокой одаренности и тонкости.

Как-то Федоров описывал мне свой визит к Чехову и свою беседу в отсутствие его с Марией Павловной, обожавшей своего брата. Она с нежностью рассказывала об А. П., какой в ранней молодости он был большой шутник и забавник; и таким он был до самой своей болезни. Она охотно рассказывала это и другим знакомым, к которым А. П. относился с симпатией, о разных проделках и выдумках в то счастливое, хотя и нелегкое для самого А. П. и всей семьи его время.

Знакомство Федорова с А. П. произошло за три года до его смерти, когда сознание своей тяжелой болезни уже сказывалось в нем. Но и при этом временами прежняя шутливость вспыхивала у него веселыми искрами.

В записной книжке Федорова я нашла запись первого его свидания с Чеховым в Лондонской гостинице.

«Во время разговора А. П. отвернулся от нас, сплюнул мокроту в бумажный „фунтик“ и бросил в печь. |

— Антон Павлович! — прогудел, как шмель, своей низкой октавой Миролюбов.

Но Чехов, медленно и скорбно ходивший по диагонали комнаты, желая, очевидно, сгладить наше от его кашля впечатление, с торжественной серьезностью сказал Миролюбову:

— Прошу обращаться ко мне соответственно моему чину и званию. Я — почетный академик, значит, генерал-с, и потому требую-с величать меня — ваше превосходительство.

Но тут же, чтобы от его неожиданной шутки не осталось хотя бы фамильярности, Чехов, усмехавшийся сквозь усы и продолжая ходить по диагонали, заложив руки на спину, серьезно обращается к Миролюбову:

— Да, так что вы хотели сказать, Виктор Сергеевич?

— Нет, я так ... собственно, я хотел напомнить, что вам время принять лекарство.

— Виктор Сергеевич, аккуратность — достоинство королей, я же — доктор, — отшучивается Чехов.

Он часто не договаривал фразы или, наоборот, неожиданно вступал, иногда даже как будто некстати, с продолжением мысли, которую он обдумывал про себя. Но потом оказывалось, что его слова вмещались в то, что говорилось во время его молчания, как самые красочные камни в мозаичный узор».

Раз при мне Федоров с Буниным говорили о том, как фамильярность совершенно не вяжется с представлением о Чехове. С людьми, которые были симпатичны Чехову, он допускал тон, близкий к интимности, и все же это была не интимность.

Федоров, написав пьесу «Старый дом», прежде, чем она была представлена на Александринской сцене, послал ее на суд Чехову. И вот письмо Чехова в ответ Федорову<sup>5</sup>:

«Ялта.» 25 марта 1901

Дорогой Александр Митрофанович, книгу я сам получил недавно, пьесу же давно прочел, не написал же вам, как обещал, потому что все собирался и откладывал; в лености жите мое иждих...

Что касается пьесы, то она мне очень понравилась и, по-моему, будет иметь солидный успех. Вы талантливый человек, и это уже не должно подлежать ни малейшему сомнению. Нам бы повидаться, чтобы поговорить, в письме же не напишешь всего, да и не сумеешь изложить свое мнение вкратце. Давайте повидаемся хоть осенью в Москве или в Петербурге, там поговорим обстоятельно. Пока укажу на два пункта: 1) лица у вас не новы, трактуются без малейшей потуги на оригинальность; например, нянька. 2) Чувствуется сильное пристрастие к эффектам, эффект опережает мысль, и порой кажется, что сначала автор придумал эффекты, а около них уже потом стал лепить мало-помалу и пьесу. Первое, как мне кажется, есть продукт скорописания, второе же со временем само угаснет мало-помалу. Ну, да что, в письме всего не скажешь, не поместится все то, что хотелось бы сказать. Подождем осени.

Поклонитесь Италии милой. Если вы едете за границу первый раз, то скоро вас потянет домой обратно, но вы не обращайтесь внимания на тоску



по родине, заставляйте себя набираться впечатлений, так чтобы потом на всю зиму хватило воспоминаний. Италия удивительно хорошая страна. Передайте мой поклон и привет вашей жене и мальчику. Желаю им счастливой дороги.

Крепко жму вам руку.

Ваш А. Чехов

Обещанных книжек жду. Ваша пьеса, повторяю, будет иметь большой успех.

Пьеса успеха не имела. Совершенно потрясенный провалом, Федоров был у Чехова, о чем писал мне:

«А. П. с тонкой деликатностью, сидя со мной бок о бок на диване, стал рассказывать о провалах своих пьес и этим отождествлением своих бывших авторских переживаний с моим облегчил мне горе больше, чем каким бы то ни было утешением.

— Ведь Немирович вел с вами по поводу этой пьесы серьезные переговоры и даже писал вам о том, что берет ее для Московского Художественного театра, — закончил Чехов. — Напрасно вы поспешили отдать пьесу Савиной. В Художественном театре пьеса ваша имела бы успех, как я вам предсказывал.

И А. М. говорил о той растрогавшей его задушевности тона, с которым вел по этому поводу А. П. разговор с ним, и добавил:

— Не знаю не только я, но и близкие ему люди вряд ли знают что-нибудь больше такой задушевности.

Перечитав все, что писалось о Чехове, я не могу не задаться вопросом: дружил ли А. П. с кем-нибудь настолько, чтобы раскрыть свою душу кому бы то ни было и позволить взглянуть в ее тайники?

В книге интимных писем Чехова к своей жене О. Л. Книппер сама избранница его жалуется на то, что его письма ее не удовлетворяют, что его душа неизменно замкнута для нее. А. П. чаще всего шуточно отвечает на эти упреки, — уверяет, что не понимает, чего она от него хочет, что он любит ее и верит в нее, но, даже со стороны, многие строки его не кажутся убедительными. В этих же письмах упоминается множество имен и есть множество отзывов о знакомых, известных большею частью лицах, которых принято считать его друзьями, потому что он с ними снимался, с ними работал в литературе, и в театре, и в жизни, но ни одно имя, ни одно лицо не вызывает намека даже на дружеское чувство к ним у Чехова. Самое большее — это расположение или внимание к таланту того или другого писателя или артиста... Но и эти отзывы в большинстве сдержанны, а иногда и неожиданны по своей суровости и иронии.

Признаюсь, я встревожилась, когда среди других имен мне бросилось в глаза имя Федорова, а потом название его пьесы «Стихия».

«Получил от Федорова том пьес. Между прочим, „Стихия“. Мне сия пьеса нравится, она в миллион раз талантливее всего Тимковского»<sup>6</sup>.

Вероятно, это был ответ на похвалы О. Л. известному в то время даровитому автору пьес, шедших на сцене императорских театров; указывая на писательские недостатки Федорова, снова отмечает его способность в технике драмы и т. п.

Об этой четырехактной драме А. П. писал:

Дорогой Александр Митрофанович.

Спасибо вам за милое письмо, за то, что вспомнили. Пьесы ваши прочел. «Стихия» произвела на меня сильное впечатление. Это интересная совсем новая, живая вещь, делающая честь вашему таланту. Пожалуй,



это лучшая ваша пьеса. Когда увидимся, поговорим обстоятельней, в письме же не передать всего.

В пьесе мне все понравилось, и то, о чем я буду сейчас говорить, не есть недостатки, это только мое мнение, которое, быть может, изменится после того, как мы увидимся и поговорим.

Во-первых, название «Стихия» не достаточно просто, в нем чувствуется претенциозность. Кое-где выползает мастерство, а не искусство: так, подделка под декаданс не французский и не бельгийский, а российский декаданс, например, хоть страница 112—113.

Лидия художница, очень талантлива, а потому и холодна, у вас же она кое-где истерична, истерична в своем страдании, в манерах. Что Арина Ивановна пьет — это очень хорошо: она у вас удалась вполне: только прискучает кабачками фаршированными и синими баклажанами, кушаньями, кстати сказать, для русского уха безразлично скучными, неинтересными.

Ну, да поговорим, когда увидимся. А теперь поклонитесь Куприну и его жене и будьте здоровы. Пьесу передам Немировичу завтра. Сегодня ее читает жена.

Желаю всего хорошего.

Ваш А. Чехов<sup>7</sup>

Письма А. П. Чехова к Федорову нигде не напечатаны. Он не решался печатать потому, что в них попадались похвалы, опубликования которых он боялся, чтобы не было принято за рекламу с его стороны<sup>8</sup>.

«Мало ли что иногда пишется в письмах автору из любезности, деликатности — по доброте или иным соображениям».

Но доказательства искренно хорошего отношения А. П. к Федорову были в передаваемых беседах о нем с другими лицами.

Так, Найденов, автор «Детей Ванюшина», сидя у нас, говорил, что Чехов считает Федорова прирожденным драматургом.

В одном из писем ко мне А. М. писал: «Сегодня я обедал вместе с Дорошевичем, и он мне передал, что Чехов с величайшей похвалой отозвался обо мне как о драматурге и как о личности. Зная строгость Чехова к людям и писателям, мнением Чехова я дорожу больше, чем чьим-либо другим, и в его искренность и беспристрастие глубоко верю».

В 1903 г. мне было сделано поручение отвезти нелегальную литературу в Ялту. Направляясь по назначению, я хранила в себе тайную надежду увидеть Чехова.

Я остановилась у Елпатьевских, и хотя мое пребывание тоже было нелегально, я все же просила С. Я. Елпатьевского пойти со мной к Чехову.

— Да уж так и быть, крамольница, я бы решился с вами пойти, но, к огорчению, А. П. болен очень и всякие лишние разговоры ему вредны.

В 1904 г. летом к нам на террасу спешно вошел за статьей местный журналист и сказал:

— Умер Чехов!

У нас одновременно без слов вырвался стон. И стало так тихо, точно умер Чехов здесь, за нашей стеной. Через некоторое время послышались рыдания Федорова и скорбные неудержимые слезы полились по моим щекам.

В архиве Федорова было порядочно писем А. П. Чехова, но, к моему страшному огорчению, по разным неблагоприятно сложившимся обстоятельствам большая часть архива Федорова была расхищена. Из него довольно большое количество эпистолярной литературы поступило от меня в Московский Центральный литературный музей. Туда же отданы и два письма Чехова, содержания которых не помню. Даже портрет Чехова

с надписью Федорову был похищен у меня со стола, вероятно поклонником Чехова. Когда я осведомила об этом Федорова, он написал мне:

«Эта утрата горше всех других утрат, потому что вместе с ними, особенно на закате жизни, погибают последние нити, которые к этой жизни привязывают. Образ А. П. Чехова и умершего — живет и угасшего — светит. Воспоминания стоят действительности и иногда бывают и дороже ее. В них оправдание прошлого и опора настоящего».

И образ А. П. Чехова будет светить вечным неугасимым светом и в будущем. Он провидел его своим взглядом огромного могущественного таланта.

«Но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле»<sup>9</sup>.

8/VI—36 г.

### П Р И М Е Ч А Н И Я

<sup>1</sup> Л. К. Федорова ошиблась: это было не весной 1900 г., а в феврале 1901 г.

<sup>2</sup> Это письмо Чехова Федорову остается неизвестным.

<sup>3</sup> По письмам известны другие — отрицательные — отзывы Чехова о Флоренции.

<sup>4</sup> Чехов и Владимир Леонидович Дуров (1863—1934) были лично знакомы и встречались еще в 1887 году. В книге «Мои звери» (1927) Дуров пишет: «Ее (Каштанки) история послужила содержанием для знаменитого рассказа А. П. Чехова — „Каштанка“», написанного автором с моих слов» (стр. 59).

<sup>5</sup> Следует текст письма Чехова от 25 марта 1901 г., автограф которого был передан, вместе с текстом воспоминаний, А. И. Роскину и ныне хранится в ЛБ (ф. 331, 70/25); текст его опубликован в «Записках», вып. 16, стр. 183—184. Книга, о которой идет речь в письме, — третий том собрания сочинений Чехова. Федоров просил прислать ее в своем письме от 21 марта 1901 г.

<sup>6</sup> Письмо Чехова к О. Л. Книппер от 22 февраля 1903 г. (XX, 52). В подлиннике воспоминаний Федоровой эта цитата дана неточно.

<sup>7</sup> Это письмо, которое датируется октябрем 1902 г., ранее не было известно. В архиве А. И. Роскина сохранилось письмо А. М. Федорова к Л. К. Федоровой, где полностью приведен чеховский текст; местонахождение автографа Чехова неизвестно.

«Сегодня у меня радостный день, — писал Федоров жене. — Я получил письмо от Чехова, которое воспроизвожу дословно...» Далее следует текст публикуемого письма, вплоть до подписи, имитирующей подпись Чехова. Далее Федоров пишет: «Понимаешь ли, как это хорошо. Я почти не сомневаюсь теперь, что пьеса пойдет у Немировича тем более, что у них совсем теперь нет новых пьес. Даже Горький взял свою пьесу назад. Я не понимаю несколько подчеркнутой мною фразы в письме Чехова, не то это его субъективное мнение о характере таланта, а может быть я не совсем понял его» (Федоров подчеркнул в письме Чехова фразу: «Лидия художница, очень талантлива, а потому и холодна»). Это письмо Чехова — ответ на следующее письмо Федорова: «Глубокоуважаемый Антон Павлович. Куприн передал мне ваш привет. Спасибо за память. Отзываются на это моими пьесами „Обыкновенная женщина“ и „Стихия“. Первую вы знаете в первоначальной редакции. Для книги я ее очень изменил и переработал. „Стихия“ для вас новая вещь. Прочтите ее и сообщите свой приговор. Ваш суд мне всегда дороже, чем отзывы всех критиков вместе (...). Когда прочтете „Стихию“, передайте ее Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко. Может быть, хоть с этой повезет в Художественном театре». Письмо без даты, но на нем пометка Чехова: 1902. X. В письме от 17 февраля 1903 г., посылая Чехову книгу своих пьес (СПб., 1903; кроме «Обыкновенной женщины» и «Стихий», в книгу вошли пьесы «Старый дом» и «Бурелом»), Федоров писал: «Получил я от Немировича письмо относительно „Стихий“. Много очень лестных похвал, но касательно постановки в Художественном театре ничего определенного не пишет».

<sup>8</sup> В Полном собрании сочинений Чехова напечатаны два письма А. М. Федорову; итак, всего в настоящее время известны полностью четыре письма и отрывок из пятого (см. его выше). Несомненно, что их было значительно больше: писем Федорова к Чехову сохранилось десять.

<sup>9</sup> Цитата из четвертого действия пьесы «Три сестры» (монолог Ольги).